

Защита прав и свобод человека и правовая определенность

4 февраля 2010 Президент РФ на Совещании по вопросам совершенствования судебной системы в своем вступительном слове выразил очень важные идеи о совершенствовании системы защиты прав и свобод человека: **«... мы заинтересованы в том, чтобы таким образом усовершенствовать наше правосудие, чтобы оно было эффективным, и создать условия, когда у наших граждан не было бы необходимости прибегать к услугам международных судов или, во всяком случае, количество таких случаев было бы существенно меньше. Потому что наша задача – создать именно качественное правосудие, которое помогает нашим гражданам непосредственно в стране»¹.**

Конечно же, крайне важна работа законодателя в направлении, заданном Президентом РФ Д.А.Медведевым, в обеспечении реализации европейских стандартов в РФ в российском правосудии, за счет повышения его качества. В тоже время, в становлении подлинно правового государства, в котором права человека являются реальностью, а не мечтой идеалистов², важен вклад каждого.

Не будь столь настойчивы некоторые граждане и юристы³, мы бы не получили Постановления Конституционного Суда РФ (далее КС РФ) №4-П от 26 февраля 2010 в котором была разрешена проблема в связи с отсутствием в ГПК РФ основания для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам установленное Европейским Судом по правам человека (далее ЕСПЧ) нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенции) при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ. Но в данном Постановлении КС РФ не только разрешил одну практическую

¹ <http://www.kremlin.ru/news/6787>

² Парафраз высказывания философа Л. Рон Хаббарда «Права человека должны быть реальностью, а не мечтой идеалистов»

³ Кирьянов А., Кирьянова Е. Вопрос исполнения Постановления ЕСПЧ пытались «замотать», «Южнороссийский адвокат», №1, 2010, С.18 -23

проблему, но задал определенный вектор для развития гражданского судопроизводства:

«Поскольку права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией..., - это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции РФ, подтверждение их нарушения соответственно ЕСПЧ и КС РФ - в силу общей природы правового статуса этих органов и их предназначения - предполагает возможность использования в целях полного восстановления нарушенных прав единого институционального механизма исполнения принимаемых ими решений».

Действительно, не только Конвенция является частью правовой системы РФ, имея приоритет перед законами и нормативными актами, она в большинстве своих норм совпадает с положениями о правах и свободах человека Конституции РФ. Соответственно ставя вопрос о совершенствовании национальных механизмов конвенционных прав и свобод, нам следует, также озаботиться о том, как защитить наши конституционные права и свободы.

Нарушение конституционных прав и свобод, почему то в процессуальных кодексах не предусмотрено в качестве безусловных оснований для отмены судебных актов. Хотя в том случае, когда же, речь идет о нарушении прав и свобод неконституционной нормой закона, то у суда, рассматривающего дела возникает обязанность обратиться в КС РФ с запросом о конституционности нормы, подлежащей применению при рассмотрении дела⁴, неисполнение данной обязанности, не рассматривается проверочными инстанциями, в качестве судебной ошибки, и не рассматривается в качестве основания для отмены судебного акта. Такая практика⁵, на наш взгляд, находится в противоречии с принципом прямого действия положений Конституции РФ. Считаем, что полная реализация положений Конституции РФ одновременно являлась бы и реализацией многих международных обязательств РФ, поскольку во многом

⁴ См. в частности Постановление КС РФ от 21 января 2010 г. N 1-П и др.

⁵ Возможно, такая практика вызвана тем, что обязанность суда обращаться в КС РФ все же выведена в Постановлениях КС РФ, а не указана в ГПК РФ.

положения Конституции РФ разработаны на основе международных договоров таких, как «Международный пакт о гражданских и политических правах» и Конвенция⁶.

К сожалению, наша система проверочных инстанций в последнее время перестала фактически выполнять функцию защиты и восстановления нарушенных прав и свобод. Сейчас существует много определений надзорных инстанций, в которых довод об отказе передаче дела в надзорную инстанцию сводится к переписыванию позиции ЕСПЧ о том, что «одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который, среди прочего, требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло бы быть оспорено. Правовая определенность подразумевает недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела».

Но есть случаи, когда суд, обнаружив судебную ошибку, не исправляет ее, мотивируя это правовыми позициями ЕСПЧ о правовой определенности. Так например, в Определении Верховного Суда РФ от 11 августа 2009 г. N 18-В09-61 было установлено, что обжалуемыми судебными актами было нарушено право бессрочного пользования жилым помещением члена семьи предыдущего собственника жилого помещения, имевшим право на приватизацию жилого помещения, но отказавшегося от ее осуществления в пользу другого лица. Но надзорная жалоба оставлена без удовлетворения, по мотиву того, что принятое по делу судебное решение исполнено, отмена обжалуемого судебного постановления может привести к нарушению принципа правовой определенности, вмешательству в право истца на пользование принадлежащим ему жилым помещением...

Проанализировав данное дело с точки зрения Конвенции и Конституции РФ, мы полагаем, что суд надзорной инстанции установил, что в результате судебной ошибки были нарушены права, защищаемые ст.8

⁶ Ковлер А.И. «Европейское право прав человека и Конституция России», "Журнал российского права", 2004, N 1

Конвенции и ст. 1 протокола №1 к Конвенции, ст. 40 Конституции РФ, поскольку право бессрочного пользования жилым помещением может защищаться указанными положениями Конвенции и Конституции, но счел, что восстановление нарушенных прав будет противоречить ст. 6 Конвенции и ст. 1 протокола №1 к Конвенции... Такое Определение фактически свидетельствует о том, что у национальных судов нет понимания положений Конвенции и Конституции, а также порядка их применения. Такое Определение также подтверждает правильность точки зрения некоторых практикующих юристов о том, что российский надзор нельзя отнести к эффективным средствам правовой защиты нарушенных прав и свобод и что можно сразу же после кассации обращаться в ЕСПЧ⁷. Переименование надзорной инстанции в кассационную вряд ли изменит ситуацию.

Существует большая надежда на то, что наши российские суды все же научатся правильно определять баланс различных правовых принципов, а не будут, прикрываясь принципом правовой определенности, оставлять в силе неправосудные акты⁸, предоставляя возможность торжествовать неправовой определенности, подрывающей доверие к суду и в конечном итоге к государству.

Защита и восстановление нарушенных прав и свобод, в полной мере могут быть отнесены к целям надзорного производства. В ст. 304 АПК РФ прямо предусмотрено в качестве основания отмены судебных актов в рамках надзорного производства в случае нарушения прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам РФ⁹. У ЕСПЧ нет претензий к надзору в

⁷ Но такой подход, безусловно, может повлиять на перегрузку ЕСПЧ и снижение его эффективности.

⁸ В том числе, противоречащие общепризнанным принципам международного права и решениям межгосударственных органов, см. также об этом Султанов А.Р. "Об исполнении Постановлений ЕСПЧ как средстве реализации конституционных ценностей" "Международное публичное и частное право", 2008, N 4, С.15 -18, Султанов А.Р. «Пересмотр решений суда по вновь открывшимся обстоятельствам и res judicata», «Журнал российского права» № 11, 2008, С. 96-104, Султанов А.Р. «Влияние на право России Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентов Европейского Суда по правам человека», «Журнал российского права», № 12, 2008, С. 85-92 и др.

⁹ На наш взгляд, в данную норму можно было бы добавить и нарушение Конституции РФ.

АПК РФ, в июне 2009 было вынесено два решения о приемлемости¹⁰ в которых ЕСПЧ указал, что определение ВАС РФ, вынесенное по надзорной инстанции является окончательным решением по смыслу ст. 35 Конвенции, то есть, тем самым признал институт надзора в арбитражных судах эффективным средством внутригосударственной правовой защиты¹¹. То есть, отмена судебных актов ВАС РФ в порядке надзора не будет нарушением принципа правовой определенности.

Что же касается восстановления нарушенных прав и свобод, защищаемых Конвенцией и Конституцией, то оно не может быть нарушением принципа правовой определенности, а наоборот является реализацией принципа верховенства права.

Надо отметить, что не только в России суды порой творят несправедливость прикрываясь принципом правовой определенности. В Постановлении по делу «Цехентнер против Австрии» (*Zehentner v. Austria*) N 20082/02 от 16 июля 2009 г. ЕСПЧ установил нарушение требований статьи 8 Конвенции, в связи с отсутствием процессуальных гарантий в исполнительном производстве в отношении недееспособного должника.

Дело началось с того, что в ноябре 1999 г. квартира заявительницы была выставлена на продажу по требованию кредиторов, в пользу которых в упрощенном порядке были вынесены решения о взыскании приблизительно 9 600 евро. Решения суда относительно продажи не были вручены ей лично, поскольку она не пребывала по месту жительства, а хранились в почтовом отделении, и продажа осуществлялась в ее отсутствие. В феврале 2000 г. заявительница была выселена из квартиры. Месяц спустя она пережила нервный срыв и была госпитализирована в психиатрическую больницу и ей был назначен временный опекун. Опекун обжаловал решение о продаже

¹⁰ Решение ЕСПЧ от 25.06.2009 по вопросу приемлемости жалобы №6025/09, поданной Галиной Васильевной Ковалевой и другими заявительницами против РФ, Решение ЕСПЧ от 25.06.2009 по вопросу приемлемости жалобы № 42600/05, поданной ОО «Линк Ойл СПб» против РФ.

¹¹ См. подробнее Юркина Е.Е. «Принцип правовой определенности в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека и российское судопроизводство», «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека» №8(41) август 2009, стр.44-45

квартиры, ссылаясь на недееспособность заявительницы. Однако, хотя суд признал, что два решения о взыскании, послужившие поводом для решения о принудительном исполнении, не имели силы, поскольку заявительница не могла принять участие в разбирательстве, прекратить исполнительное производство не представлялось возможным, поскольку решение о передаче выручки кредиторам являлось окончательным и было уже исполнено. Суд кроме того, сослался на то, что 14-дневный срок для обжалования решения не мог быть восстановлен и служил для защиты интересов приобретателя.

Заявительница подала жалобу в ЕСПЧ в 2002 году, достаточно обоснованно изложив предмет жалобы. Но далее ее опекун уведомил ЕСПЧ о том, что она не одобряет возбуждение разбирательства в ЕСПЧ и не намерена поддерживать свою жалобу. В тоже время, заявительница настаивала на продолжении рассмотрение ее дела и указывала, что не желает быть представленной в ЕСПЧ своим опекуном.

ЕСПЧ, указав, что условия, регулирующие обращение в ЕСПЧ, не обязательно совпадают с национальными критериями права обращения в суд, сделал вывод о том, что заявительница вправе поддерживать свою жалобу и рассмотрел ее жалобу по существу.

ЕСПЧ установил, что заявительница не обладала дееспособностью за много лет до того, как состоялись продажа квартиры по решению суда и ее выселение. Таким образом, она не могла ни оспорить решение о взыскании, ни прибегнуть к средствам правовой защиты, предусмотренным национальным законодательством. К моменту, когда власти узнали о ее недееспособности, она **была оставлена без каких-либо средств для пересмотра своего дела из-за абсолютного характера срока на обжалование.**

ЕСПЧ по этому поводу выразил следующее мнение: «даже с учетом того, что такие сроки имели целью защиту правовой определенности, а также интересов добросовестных приобретателей, ЕСПЧ счел, что в случае участия недееспособных лиц требуется особое обоснование в связи с их уязвимым положением. Однако национальные суды не привели такого обоснования и не

сопоставили интересы приобретателя с интересом заявительницы. Что касается вопроса о том, отвечает ли абсолютный срок общему интересу правовой определенности, **ЕСПЧ напоминает, что этот принцип не был бы нарушен при обстоятельствах существенного и непреодолимого характера.** Соответственно, ни одна из законных целей, на которые ссылалось власти государства-ответчика, не могла перевесить того факта, что заявительница была лишена жилища в отсутствие возможности эффективного участия в разбирательстве и в отсутствие пропорциональности мер, принятых судом».

В данном деле ЕСПЧ установил также нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, указав, что даже с учетом того, что дело заявительницы затрагивало спор между частными лицами, государство обязано обеспечить сторонам судебные процедуры, предоставляющие необходимые процессуальные гарантии. ЕСПЧ выразил сомнения относительно того, учитывались ли интересы заявительницы при использовании решения о взыскании на сравнительно небольшую сумму, принятого в упрощенном порядке, в качестве основы для принудительной продажи по решению суда недвижимости, имевшую значительную ценность.

Из вышеприведенных примеров видно, что одним из векторов развития системы защиты прав и свобод человека может быть просто **направленность судов на вынесение справедливых решений**, чтобы право стало не инструментом подавления, а искусством добра и справедливости. Эффективность судебной системы все же определяется через способность восстанавливать справедливость, а не через количество рассмотренных дел...

Султанов Айдар Рустэмович, начальник юридического управления ОАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования. © 2010 Султанов Айдар Рустэмович

Опубликовано: Конституционные основы гражданского судопроизводства: современное состояние и пути совершенствования: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 80-летию Сарат. гос. акад. Права. Саратов. 2010. С. 54-57